

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Режиссер Александр Адабашьян "вводит" актера Илью Носкова в XIX век.

Фандорин уже близко

Александр АДАБАШЬЯН работает над сериалом по роману Бориса Акунина «Азazelь»

Выйдет ли в начале будущего года на телеэкраны первый сериал по роману Бориса Акунина «Азazelь», как было обещано? Сколько в нем все-таки будет серий? Правда ли, что пожар на Останкинской башне помешал работе над сериалом? Будут ли в фильме саундтреки в исполнении Юли Чичериной и Витаса? Об этом мы беседуем с Александром Адабашьяном — российским киносценаристом, художником, актером и режиссером.

— Александр Артемович, почему вы взялись снимать именно «Азazelь», а не какой-либо другой роман Акунина? Потому что он первый?

— «Азazelь» мне понравился тем, что в нем в отличие от всех других произведений Фандорин существует в развитии. Мальчишка, почти случайно попавший в сыскное управление, превращается в мужчину с седыми висками, пережившего и любовь, и трагедию, и предательство. Во всех других романах он статичный.

— Снимать сегодня Акунина — самого популярного писателя — не конъюктурно ли это?

— Когда мне предложили эту работу, никто ничего снимать не собирался. Я тогда Акунина не читал. Потом прочитал, и мне понравилось. Не было вокруг никакого ажиотажа. Все начало раскручиваться после. И меня, кстати, не радует, что столько говорят об этом сериале. Пишут черт знает что! «Московский комсомолец» недавно написал, что я заказывал песню Чичериной. Я вообще не знал до этой заметки, что это такая.

— Я читала эту заметку. В ней говорится, что для вашего фильма готовятся саундтреки: записывают романсы Чичерина, группа «Чайф», Витас. Это неправда?

— Я не знаю, кто такой Витас. Никогда не слышал, что поет «Чайф». Во-первых, я считаю, что весь музыкальный ряд картины должен делать один композитор. Это, предполагается, будет Владимир Дашкевич. Мы с ним уже встречались, беседовали, он смотрел материал. Если Дашкевич решит, что самый лучший исполнитель его музыки — это Витас, то ради бога...

— Вряд ли Дашкевич выберет Витаса.

— Значит, этот так называемый саундтрек обойдется без него. И столько всего еще пишут! Говорится, что будет что-то необычное, что потрачены какие-то астрономические средства...

— А это действительно так?

— Далеко не так. По сравнению с другими сериалами, которые существуют в полной нищете, на этот дали денег вообще. Но если человек ходит вообще раздетым и ему дали какую-то потрепанную пару тренировочных штанов с оттянутыми коленками, то по сравнению с тем, что было, он одет. Но это не значит, что у него шикарный гардероб. Это значит, что у него не голая задница. Поэтому сказать, что у нас на этой картине какой-то бешеный бюджет, нельзя. Все было снято за 53 съемочных дня.

— А сколько все-таки серий — пять или шесть, потому что в разных источниках написано по-разному?

— Сейчас уже речь идет о четырех. Но еще нет окончательного монтажа.

— Но говорят, что фильм будет показан осенью этого года. Осень уже наступила. А картина еще не смонтирована, нет музыки.

— В лучшем случае фильм будет показан в начале будущего года. Стараемся делать как можно быстрее.

— Правда ли, что Борис Акунин сам вас выбрал режиссером этого сериала?

— Правда. В контракте было записано, что он сам выберет режиссера и сам будет утверждать исполнителя главной роли.

— Извините за вопрос, но почему именно вы ему так приглянулись?

— Потому что он видел мою картину «Мадо, до востребования» — единственную, которую я снял во Франции как режиссер. И, видимо, потому, что все мои предыдущие работы обнаруживали некое знакомство с XIX веком. Плюс мое художественное образование. Думаю, что этот набор его впечатлил.

— Когда читали Акунина, что на вас произвело наибольшее впечатление?

— Мне понравились все книги. Какие-то меньше, какие-то больше. Понравилась новизна. Я не называю это литературой, это — беллетристика, с чем автор сам согласен. Это из тех произведений, прочитав которые не возникает желание их перечитывать. Это — беллетристика высокого уровня. Написана образо-

— Сериал — это только «Азazelь» или там по ходу идет вкрапление каких-то других произведений Акунина?

— Нет, это строго «Азazelь». Сценарий писал сам автор. Это роман в сокращенном виде.

— А вы будете снимать продолжение?

— Нет.

— Почему так?

— Потому что условия нынешней телевизионной работы меня не устраивают. Я никогда до этого на телевидении не работал и, поработав сейчас, понял, что это не то.

— Чем же вас шокировало телевидение: очень бедно, непрофессионально?

— Я очень доволен актерами, группой. Но условия работы... Совершенно адские сроки. Серьезная подготовительная работа считается совершеннейшей блажью.

— Никита Михалков собирается снимать «Статского советника».

— Я знаю. Но Михалков собирается кино снимать, а не теле-

Спартакоской. Так что Останкинская башня — дай бог ей здоровья — никакого отношения к съемкам не имела. Пожар был значительно раньше того, как мы начали снимать.

— Вы в последнее время работаете за границей больше, чем в России. Чем вы там занимаетесь?

— Работаю во Франции и в Италии. Я ничего не снимаю там как режиссер, я пишу сценарии. Последняя работа — это экранизация романа Чарльза Диккенса «Домби и сын». Режиссер — Лоран Жауи. Мы начали писать сценарий еще до того, как началась история с «Азazelью». Потом он приезжал в Чехию, в Карловы Вары, где мы снимали, и я выкраивал время для работы. А сейчас я только-только прилетел из Франции. Тоже «выкроилась» неделя: была технологическая останковка в работе. И мы закончили первую версию сценария.

В Италии с режиссером Джакомо Кампиотти мы сделали две картины. Одна называлась «Как два крокодила», другая — «Время любви». А сейчас ему предложили сделать в Англии для телевидения экранизацию «Доктора Живаго».

— И вы будете с ним сотрудничать?

— Нет, у меня никак не получается, хотя мы очень хотели. Но сейчас я больше занят «Азazelью». И эта работа займет еще месяца полтора как минимум. Как раз то время, когда надо было бы работать над «Доктором Живаго».

— Скажите, пожалуйста, а как вы пишете за рубежом, на каком языке?

— В Италии — по-итальянски. Во Франции — по-французски. Но я не пишу один. Я свободно разговариваю и читаю на этих языках, но не так, чтобы писать. Все равно это не родной язык. Даже Тургенев не позволял себе писать по-французски, хотя он знал этот язык лучше, чем половина нынешних французских.

— Картины, о которых вы мне говорили, — это кино или телеработа?

— Диккенс — это телевизионная работа.

— Тогда, возможно, ваше недовольство съемочным процессом связано с тем, что вы сравниваете, как работает за границей и у нас?

— Это никогда нельзя было сравнивать. Я сравниваю с тем, как работали раньше у нас. Нужно пробовать, репетировать. Не снимай с лету, да так, чтобы первый же отснятый дубль входил в фильм. Что касается за границы — разница всегда существовала.

— И тамошняя жизнь привлекает вас больше?

— Нет, я живу в России. Мне здесь интереснее. Я и другими делами занимаюсь: например, делал интерьер ресторана «Обломов» с Антоном Табаковым. Сейчас есть идея заняться другим рестораном. Мне это очень интересно. Я никогда прежде не занимался дизайнерской работой.

— Последние ваши работы, которые делаются во Франции, в Италии, они нашему зрителю доступны?

— Нет, «Крокодилов» не купили. Я хотел устроить здесь премьеру, продюсер отказался, опасаясь пиратства.

— А на фестивале?

— На Московском фестивале во внеконкурсном показе была последняя картина «Время любви». Но поскольку ее не внесли даже в каталог, то посмотрели очень мало народу.

Кадр из телесериала «Азazelь»

ванным, грамотным человеком, что сейчас редкость среди пишущих. Потому что я пытался читать современную литературу, которая такой называется, но десять страничек дело не шло. Малограмотно, без знания предмета. А здесь база — хорошая литература XIX века.

— А у вас не возникало ощущения, что романы Акунина пишут разные люди?

— Не возникало. Более того, я с ним знаком и знаю, как он работает и с какой скоростью. Он очень тщательно готовит свои романы. Он собирает массу материала. Не ленится ходить по тем местам, где должен бывать его герой. Очень подробная география, точные ссылки на реалии XIX века.

Я думаю, что об этом пишут потому, что люди, имеющие мало-мальский успех, у нас сразу же попадают под подозрение. Мол, они всего достигли незаконным путем. Признать, что они умнее и способнее, — это же обидно.

— Претендентов на роль молодого Фандорина было очень много. Почему вы выбрали именно Илью Носкова?

— Илья, с моей точки зрения, явно подходил под то представление о Фандорине, которое у меня было. Молодой, охотарелый, наивный, хороший актер, внутренне подвижный. Короче говоря, у него есть весь тот комплекс внешних, внутренних и профессиональных качеств, который больше всего соответствует персонажу.

визионный фильм. Акунин работает над сценарием для него, и они очень плотно общаются.

— Вам не понравился процесс работы. А результат? Каково внутреннее ощущение?

— Прежде всего работа еще не окончена, и вообще не мне судить. Конечно, с такой скоростью съемки потерь больше, чем приобретений. Но во всяком случае мы работали честно и старались. В конце концов, как говорил Михаил Ромм, «съемочный процесс — это последовательный ряд выходов из положений». В зависимости от того, насколько тупиковые эти положения бывают, качество съемочного процесса вызывает удовлетворение или неудовлетворение. В данном случае адская система работы выматывает. В день нужно было снимать как минимум 5 минут экранного времени. Бывали дни, когда мы снимали меньше, зато потом приходилось снимать по 7—8 минут.

— А где вы снимали? Газеты писали, что пожар на Останкинской башне затруднил съемки сериала.

— Я сейчас ничему не удивляюсь из того, что пишут, потому что никакой ответственности малограмотные граждане из некоторых газет за это не несут. Снимали мы 12 дней в Чехии, в Праге. Это то, когда главной героиней находится за границей. Остальное — в Москве, в павильонах. Некоторую часть — в интерьерах на Новой Басманной. Часть — на Новодевичьем и на улицах Москвы: на Школьной, на Гончарной, на Малай Никитской, на